

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Читайте романы

Нatalьи АЛЕКСАНДРОВОЙ в серии «Артефакт & Детектив»

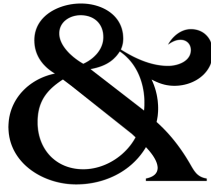
Хранитель Чаши Грааля
Клавесин Марии-Антуанетты
Сокровища Ирода
Завещание алхимика
Кинжал всевластия
Шкатулка Люцифера
Клад Наполеона
Тайна золота инков
Последний ученик да Винчи
Волшебный город
Талисман египетской царицы
Легенда о «Ночном дозоре»
Венец Чингисхана
Проклятие Осириса
Последняя загадка Ивана Грозного
Маска Нерона
Медальон инквизитора
Табакерка Робеспьера
Дублон капитана Флинта
Зеркало Лукреции Борджиа
Клинок князя Дракулы
Перстень Екатерины Великой
Ожерелье казненной королевы
Ларец графа Сен-Жермен
Монета Александра Македонского
Приворотный амулет Казановы
Наследство Марко Поло
Меч с берегов Валгаллы
Звезда Ассирийского царя
Золото Атлантиды
Осколок Тунгусского метеорита
Волшебный компас Колумба
Неизвестный шедевр Рембрандта
Амулет снежного человека
Ключ Гермеса Трисмегиста
Ожерелье богини Кали
Завещание короля Балдуина
Амулет Великого Слона
Колокольчики династии Минь
Золотая булавка Юлия Цезаря

Фермуар последней фрейлины
Волшебные стрелы Робин Гуда
Крест княгини Ольги
Тайна тринадцати апостолов
Перстень Ивана Грозного
Последняя драма Шекспира
Венец скифского царя
Священный крест тамплиеров
Алмаз лорда Гамильтона
Гребень Маты Хари
Перчатка немецкого рыцаря
Загадка уральской Мадонны
Часослов Бориса Годунова
Стекланный сад
Щит царя Леонида
Тайна турецкого паши
Печать Иоганна Гуттенберга
Четки Изабеллы Кастильской
Камея римской куртизанки
Сокровище великого Могола
Ладанка Жанны д'Арк
Шумерская погремушка
Смертельный инструмент ацтеков
Абиссинское заклинание
Венец царицы Тамары
Дар царицы Савской
Часы Зигмунда Фрейда
Кубок королевы Розамунды
Жезл Эхнатона
Медальон Распутина
Исчезнувший рог Минотавра
Мальтийский крест Павла Первого

Сериал «Венецианский квартет. Крест святого Петра»

Таинственный сапфир апостола Петра
Магический камень апостола Петра
Огненный рубин апостола Петра
Священный изумруд апостола Петра

АРТЕФАКТ

ДЕТЕКТИВ

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Абиссинское
заклинание

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
А46

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *Е. Ирмеш*

Разработка серийного оформления *С. Курбатова*

Александрова, Наталья Николаевна.

А46 Абиссинское заклинание : [роман] / Наталья Александрова. — Москва : Эксмо, 2023. — 320 с. — (Артефакт & Детектив).

ISBN 978-5-04-175710-6

Алене крупно не повезло, поругавшись в парнем, она села не в то такси, и ее отвезли в заброшенную промзону, где ее заgrimировали под пропавшую дочь известного бизнесмена и заставляли зачитать текст от лица похищенной. Алене повсюду попадаются 5 различных материалов со странной волшебной надписью...

Испокон веков существует магический палиндром из пяти волшебных слов, обладающий необыкновенной властью. Тот, кто соберет все пять кусков головоломки, способен стать богом...

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Александрова Н.Н., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-175710-6

у все, — пробормотала я сквозь стиснутые зубы, — с меня хватит! Видеть больше не могу эту рожу!

Гардеробщик протянул мне пальто, не поведя и бровью.

Ну, он на своей должности и не такое небось видел. Ресторан хоть и дорогой, пафосный, но посетители всякие попадаются, и до драки, наверное, доходит. А тут, подумаешь — девица с парнем поругалась. Дело житейское.

Скрипя зубами от злости, я всунула руки в рукава. Шарф вывалился на пол, и я наступила на него.

Показалось или нет, что гардеробщик пренебрежительно хмыкнул? Да наплевать мне на него!

Я обожгла дядьку таким взглядом, что он тут же скрылся за стойкой с одеждой — понял, что чаевых не дождетя. А я схватила телефон и вызвала такси. Хорошо, что знала точный адрес, потому что вызвала уже такси от дома сегодня, когда мы собирались ехать в этот ресторан, чтоб он провалился совсем. Хотя не в ресторане дело.

Зазвонил мобильный телефон. Я схватилась за него, как за спасательный круг, взглянула на дисплей.

Это был телефон службы такси, в трубке прозвучал механический голос:

«Через три минуты за вами приедет серый „Рено” номер...»

Слава богу! Больше не было сил здесь оставаться...

Я застегнула пальто, обмоталась шарфом, сунула появившемуся гардеробщику мелкую купюру, хотя зря, после чего вышла на улицу.

На улице было красиво, в полной тишине театрально падал снег, вспыхивая под фонарем серебристыми искрами, как в сцене дуэли Ленского и Онегина.

Безобразный скандал в ресторане остался позади, как будто его и не было. Как будто я оказалась в театре. В театре одного зрителя. И этот единственный зритель — я.

В довершение сходства по пустынной улице торопливо шел одинокий прохожий, казалось, сейчас он остановится и запоеет: «Куда, куда, куда вы удалились...»

Правда, в отличие от театра, здесь было холодно. Очень холодно. На улице мороз, а я сегодня оделась явно не по сезону. Рома велел явиться в ресторан попримечнее — дескать, не забегаловка какая-нибудь, все там по высшему разряду, никаких джинсов и свитеров. Так что я выбрала платье, хорошо хоть с рукавами, но материал тонкий. Роскошной шубы в пол у меня нету, не заработала, да и зачем она нужна? Есть коротенький полушубочек из искусственного меха. На ногах ботиночки на каблуках, колготки тонкие... Пришлось надеть пальто. Оно длинное, но демисезонное, в такой мороз не греет. И перчаток

не взяла — зачем, думаю? На такси туда, на такси домой... вот так вот.

Я подняла воротник пальто, сунула руки в карманы и огляделась.

Три минуты давно прошли, но серого «Рено» не было, как не было никакой другой машины. Одиноким прохожий скрылся за углом, и я осталась одна. Казалось, город вымер. Даже музыки из ресторана не было слышно.

Я снова достала телефон, набрала номер вызова такси.

Механический голос повторил, как и в прошлый раз:

«Через три минуты за вами приедет серый „Рено“ номер...»

Да что они, издеваются?

Я была слишком легко одета для долгого ожидания на морозе. Ну да, я одевалась для вечера в ресторане, а не для зимней прогулки...

Вернуться обратно, в тепло?

Нет, ни за что! Снова увидеть Ромку, его наглуую, самодовольную физиономию... он примет мое возвращение за признание безоговорочной капитуляции!

Снег усилился, теперь он падал так густо, что в нескольких метрах ничего не было видно. Через несколько минут я превращусь в снеговика, точнее — в снежную бабу...

Холод проник под пальто, пробежал по спине ледяными пальцами... зубы застучали... а я-то думала, что это художественный прием, преувеличение! Еще немного — и я просто примерзну к месту, не в силах пошевелиться!

И тут наконец из-за белого занавеса метели, сияя фарами, вынырнула серая машина. Продолжая театральные ассоциации — как волшебная карета Золушки...

Я бросилась к ней, распахнула дверцу...

— Елена? — спросил водитель.

— Елена, Елена! — Я не люблю свое полное имя, но сейчас готова была согласиться на что угодно.

Я плюхнулась на заднее сиденье, захлопнула дверцу и облегченно вздохнула — в машине было тепло. Хотя и пахло неприятной отдушкой, какой-то парфюмерной сладкой смесью с хвойной нотой, но мне уже было все равно. Все части тела потихоньку оттаивали, ноги как будто покалывало иголками. Ничего, раз чувствую — значит, не отморозила...

Я прикрыла глаза и против воли стала вспоминать прошедший вечер...

«С меня хватит! — прежде всего подумала я. — Вот теперь с меня точно хватит! Лопнуло мое терпение!»

Ну, сами посудите, как такое можно терпеть? Рома совершенно обнаглел, причем если раньше он позволял себе хамство только дома, когда мы были одни, так сказать, не при свидетелях, то сегодня устроил грандиозный скандал при всем честном народе, и главное, с чего? Да просто так, на пустом месте!

Нельзя сказать, что для меня это было полной неожиданностью. Потому что в последнее время Рома стал просто невозможен. И я уже несколько раз подумывала о том, чтобы с ним расстаться. Но все медлила, и тому были причины.

Только не подумайте, что я страстно люблю Рома и боюсь его потерять. Вот уж чего нет — того нет. Впрочем, когда мы с ним познакомились, Рома мне даже понравился. Такой смешной, лохматый, толстый, как медвежонок Винни Пух.

Одевался он зимой и летом в клетчатые шерстяные рубашки, которые даже новые мигом принимали поношенный вид. Вообще-то Рома — неряха, каких мало, он вечно ест гамбургеры, когда сидит за компьютером, и вытирает жирные пальцы о рубашку. При этом голос у Ромы мягкий, речь правильная, без мата и разных междометий, которые некоторые вставляют всегда не к месту, и смех приятный.

А что вы думаете? То, как смеется человек, очень четко его характеризует. Вот смотришь иногда: вроде бы и всем хорош парень — симпатичный, веселый — а как засмеется — ой, будто лошадь ржет. Некоторые хихикают противно, у некоторых глаза как щелочки становятся...

Так вот, у Ромы ничего этого не было, обычный смех. И еще Рома был не дурак, то есть мог поддерживать разговор, а иногда с ним было даже интересно разговаривать.

Короче, Рома мне понравился. И я ему тоже, потому что он не стал стесняться и сказал мне об этом прямо буквально во вторую нашу встречу. То есть пригласил к себе домой и предложил остаться. Не на одну ночь, а на неопределенно долгий срок.

Я, конечно, удивилась, но не стала сразу отказываться, а решила провести разведку на местности, чтобы понять, в чем тут подвох. Потому что, скажу честно, я — девушка серьезная и неглупая, и не то

чтобы некрасивая, но самая обычная. Все у меня на месте, никаких особых недостатков в лице и фигуре не имею, но к своей внешности отношусь не то чтобы критически, но без лишнего фанатизма. Или пиетета, как говорит моя мама.

Она всю жизнь проработала учителем русского языка и литературы, причем в одной и той же школе, отсюда и всевозможные старорежимные словечки и выражения, которые мама упорно вставляет в свою речь.

Она считает, что так можно спасти наш Великий и Могучий язык от умирания. И что нужно сеять разумное, доброе, вечное. И поскольку до восемнадцати лет мы с ней жили вместе, то и у меня изредка проскальзывает такое, что некоторые мои ровесники недоуменно поднимают брови — ты вообще о чем?

Так вот, скажу сразу, что Рома так никогда не делал, он кое в чем разбирался. А возможно, просто меня не слушал...

Но на мое решение поселиться с ним в одной квартире (как мама бы сказала, «соединить с ним свою жизнь, хотя бы на какое-то время») повлияло не это.

У Ромы была своя собственная квартира. Забыла сказать, что я — из провинции. Родилась в далеком городе за Уральскими горами, там и прожила до окончания школы. И хоть город у нас большой, есть в нем и свой университет, но я захотела учиться в Петербурге. Мама была не очень довольна, поначалу меня отговаривала, но потом сказала, что найдет деньги, чтобы присылать мне во время

обучения. Училась я на бесплатном отделении, потому что сдала все экзамены на «отлично», говорила уже, что я умная (шучу, конечно). А кроме шуток, сдавала я на математический, а там уж надо в голове кое-что иметь.

О литературе мама со мной и не заговаривала — хватило мне этого Великого и Могучего за все годы жизни с мамой.

Так вот, сначала я жила в общежитии, потом снимали с девчонками квартиру на троих, потом, когда закончили, все разбрелись кто куда. Парни все поголовно пошли в программисты. Девушек было у нас и так немного, кто-то уехал, одна сразу вышла замуж и родила, остальные пошли работать в школу.

Насчет школы я выяснила еще раньше, когда подрабатывала там на третьем курсе: это не мое. И точка. Вопрос не обсуждается. Потому что выносить сборище орущих, визжащих, хамских, скандальных детей больше пяти минут я не в состоянии. У меня начинаются мигрень, усиленное сердцебиение и нервная почесуха.

Программирование — это образ жизни, причем очень специфический, так что если смотреть на вещи реально, то это тоже не мое. Можно, конечно, найти работу — после математического факультета возьмут в какую-нибудь фирму, но денег положат мало, а работать там нужно будет много. И ничего интересного.

Возможно, некоторые скажут, что не в моем положении выбирать. Дескать, из родителей у меня одна мама — бюджетная училка, да и то где-то далеко

за Уралом, обеспеченный муж в ближайшем будущем не маячит, квартиры своей нету...

Все, конечно, так, но я решила все же пока подождать с окончательным решением и перебиваться на случайных работах.

Мужа одной девчонки с нашего курса послали на стажировку на год. Она страшно обрадовалась, уволилась из опостылевшей школы и поехала с ним. А перед этим рекомендовала меня на свое место репетитора к паре-тройке учеников. Те приняли меня охотно — все же не с улицы пришедшая и не в Интернете найденная.

В итоге голодная смерть мне не грозила, потом появились еще ученики, так что я подумывала даже о том, чтобы снять квартиру для себя одной и зажить в относительной тишине, чистоте и покое.

И тут встретились мы с Ромой. Познакомил нас приятель. Оказалось, Рома учился тоже на математическом, только шестью годами раньше, оттого во время учебы я его не знала. А не заметить Рому было трудно — как я уже говорила, он весил почти сто килограммов, носил шерстяные клетчатые рубашки и имел буйные волосы до плеч.

В общем, на вечеринке мы разговорились, потом встретились пару раз в городе, после чего Рома и сделал мне предложение — не замуж, конечно, но жить с ним в одной квартире.

Потом-то я поняла, что ему просто лень было за мной долго ухаживать, да он понятия не имел, как это делается. В кино ходят только подростки, на рестораны у Ромы не было денег, не приглашать же девушку в «Макдоналдс» или во что-то похожее.

Слово «театр» в Ромином лексиконе принципиально отсутствует, равно как и слово «спорт». От громкой музыки у него может случиться несварение желудка, в музеи Рома не ходит, потому что от долгого хождения у него болят ноги (не забываем про сто килограммов) — короче, он выбрал самый простой вариант, и если бы я отказалась, он бы не слишком расстроился.

Но я не отказалась. И знаю, что было тому причиной (снова мамин оборот речи).

Дело в квартире. То есть не в том, что она у Ромы была своя. Родители оставили ему ее, а сами купили себе трехкомнатную в новом доме. То есть это, конечно, веская причина, но не она заставила меня поселиться у Ромы. Конечно, у меня с жильем и во все никак, но, в конце концов, можно было поднапрячься, взять еще несколько учеников, чтобы оплачивать скромную однушку.

Все дело было в квартире. Именно в этой самой квартире. Располагалась она в центре, дом был старый и довольно запущенный. Не совсем, конечно, но это я поняла только потом. А когда Рома привел меня в первый раз, да еще в темноте, то дом я не разглядела. Вход в подъезд был со двора, но сначала нужно было пройти абсолютно темную подворотню, и были там ворота, которые по идее должны были закрываться на кодовый замок, но не закрывались. Посему пахло в подворотне соответственно, и я боялась наступить на продукты жизнедеятельности местных собак, а может, и людей. Обошлось.

В подъезде же было на удивление чисто. Стены покрашены бежевой краской, и под потолком висел

хоть дешевый, но светильник, а не лампочка Ильича в жестяном наморднике. И был даже лифт — крошечная кабина, куда помещались два человека нормальной комплекции, а если Рома — то он один.

«Но это не важно, — сказал Рома, — лифт все равно никогда не работает».

Мы долго поднимались по лестнице, и после третьего этажа цивилизация закончилась.

Теперь окружающие стены были темные, с облупившейся штукатуркой, покрытые надписями и рисунками, как в пещере, где была стоянка доисторического человека. Только вместо охоты на мамонта там были неприличные слова.

Я особо не приглядывалась, потому что под ногами были выщербленные ступени, политые чем-то липким, и еще шмыгнул мимо кто-то серый, я надеялась, что кошка.

Потом уже я выяснила, что когда-то давно в квартире на втором этаже жил один человек, который пытался сделать мир лучше. И начинать решил со своего подъезда. На первом этаже располагалась багетная мастерская, так что они отремонтировали низ за свой счет, остальные соседи денег на ремонт дать отказались. Активный жилец нашел понимание только у соседей сверху. Так и получилось: покрасили только три этажа, остальные остались как были. Тот жилец потом все-таки съехал, надорвав силы в бесконечной борьбе с ЖЭКом.

Квартира Ромы находилась на последнем, пятом, этаже, лампочки на площадке не было вовсе. В неверном свете телефона я увидела довольно солидную железную дверь. Рядом с дверью на стене

располагалась надпись черной краской: «Пищик — козел!» И ниже, красным, аккуратными буквами: «Одобряю». И еще ниже, теперь зеленой краской, и почерк другой, размашистый: «Одобряю и поддерживаю».

И уж в самом низу, почти над полом, процарапана штукатурка чем-то острым: «Сами вы козлы!»

Фамилия Ромы была Пищиков, так что все ясно.

Как опять-таки выяснилось позже, дверь была единственная новая вещь в Роминой квартире, как видно, родители его решили не заморачиваться с ремонтом, раз все равно переехали.

Крошечная прихожая была жутко захламлена, и пахло от меня оттуда помойкой и нестираными мужскими носками.

Рома привычно шагнул вперед и включил свет.

— Ты... это... — тут он увидел выражение моего лица, которое я не смогла скрыть. — Извини, конечно, за беспорядок, но я уж привык так жить...

«Да, „привычка свыше нам дана...”» — процитировала я мысленно. Это снова мамино, она вечно цитирует классиков.

Но я ничего не ответила Роме. Потому что смотрела на лампу. Точнее, это была не лампа, а бра. Оно висело на стене, напротив двери над зеркалом. Зеркало самое обычное — простой прямоугольник без рамы, да еще и с трещиной посередине, неровно заклеенной скотчем. Но бра... два молочно-белых абажура в форме тюльпанов. Собственно, белыми они были когда-то, теперь же посерели от грязи. И два витых стебля потемневшего тускло-золотистого металла. Эти причудливо изогнутые лепестки...

меня вдруг пронзило чувство, что я их уже видела. Дежавю...

Горела только одна часть, второй абажур был отбит. И бронзовая бомбошка выключателя отсутствовала, был просто обрывок шнура, обмотанный изолентой.

Я потрясла головой и наклонилась, чтобы найти тапочки. Но Рома протопал прямо в уличных ботинках, так что я последовала его примеру без зазрения совести.

Планировка квартиры была необычная — две большие комнаты, кухня, узкая, как пенал, и без окон, и крошечная ванная, вмещавшая в себя унитаз и душ с поддоном — кабинка сюда бы не влезла.

Но все это я изучила потом, а тогда, в первый раз, Рома провел меня в комнату, где он обосновался, потому что вторая, как выяснилось позже, была захламлена до такой степени, что даже дверь туда открывалась только наполовину.

Рома работал дома, удаленно, заказы брал время от времени и довольно случайно. Сказать, что в комнате, где он обитал, был беспорядок — значит, ничего не сказать.

Во-первых, жуткая духота, Рома никогда не проветривал. Форточки в этой квартире располагались высоко, чтобы открыть их, нужно было встать на стул, а после того, как Рома сломал три стула (сто килограммов!), он решил оставить все как есть.

Во-вторых, на полу валялась одежда вперемешку с коробками от пиццы, разными бумагами, кроссовками, теннисными мячиками и компьютерными дисками.

На старом разложенном диване лежала скомканная постель, и при виде серых простыней меня затошнило и захотелось немедленно покинуть этот гадюшник.

Да этот Рома просто ненормальный, если приглашает сюда девушек!

Но когда я подняла глаза, то увидела потолок. Удивительно гладкий и ровный, только сероватый от пыли. И паутина по углам. А под паутиной по периметру потолка была такая штука... потом я узнала, что она называется бордюр... так вот он был весь лепной — цветы, листья, и узор повторялся. То есть потом я разглядела этот бордюр как следует, очистив от паутины, а тогда, в первый раз, меня снова пронзило чувство, что я его уже видела.

Я даже головой потрясла, до того удивилась, так что Рома расстроился, сообразив, что я сейчас уйду.

Но я не ушла. Ни тогда, ни потом. Потому что, по мере того как я обживалась в Роминой квартире, я находила все больше вещей, которые мне были знакомы.

То есть мне так казалось, потому что я твердо знала, что никак не могла видеть, к примеру, в ванной крошечное окошко круглой формы, как корабельный иллюминатор. Ну да, на кухне окон не было совсем, а в ванной было одно, такая уж квартира.

Зато на кухне была печь. Ну да, самая настоящая печь, очень большая, которая занимала целый угол. Прямоугольной формы, вся покрыта темно-зелеными изразцами. Правда, когда у меня дошли руки и я отмыла печь, изразцы оказались светло-сине-зе-

леного цвета. И на ощупь не гладкие, а волнистые. Было приятно их гладить.

И вот, когда я стояла там, возле печки, меня снова пронзило то чувство, что когда-то такое уже было, что я вот так же гладила эти изразцы и рассматривала причудливые извивы. Дежавю...

Рома сказал, что вроде бы когда-то давно на всем этаже была одна очень большая квартира и ее разделили пополам. Но он этого не помнит, они всегда так жили. Родители — в той комнате, а он — здесь. Еще бабушка была, но она умерла давно.

Или же никак я не могла видеть раньше круглую нишу в той, родительской, комнате, туда нужно было подняться по трем вытертым ступенькам, и на одной из них кусок дерева был отколот, и раньше, Рома сказал, торчал оттуда гвоздь, и он однажды так рассек колено, что отец вообще спилил кусок ступеньки.

И снова меня пронзило странное чувство — как будто это я спотыкаюсь и падаю, от ступеньки отлетает плашка, и гвоздь глубоко пропарывает мне коленку.

Раньше, сказал Рома, у родителей стояла тут кровать, но они забрали ее с собой. Так что это была не просто ниша, а альков. Теперь же ниша была завалена разным хламом — тремя ломаными стульями, коробками, старым телевизором, да и вся комната тоже не блистала чистотой.

Было такое чувство, что за полтора года, когда Рома жил здесь один, он просто складывал в эту комнату все, что ему было не нужно в данный момент: зимнюю обувь, чьи-то старые лыжи (как я уже гово-

рила, Рома и спорт — две вещи несовместные), сломанную кофеварку, прожженный во многих местах клетчатый шерстяной плед и тому подобные вовсе уж бесполезные вещи.

Еще в комнате был огромный платяной шкаф, куда Рома очень не советовал мне заглядывать, сказал, что и ключ давно потерял, круглый стол на одной ноге, комод без ручек и кресло без подлокотников.

«Все бабушкино, допотопное, — сказал Рома, — родители, уезжая, велели выбросить, да мне некогда».

Некогда! Сказал бы уж честно, что просто лень!

Так или иначе, я стала жить у Ромы. И даже привыкла к нему. Ведь если не обращать внимания на его ужасающую лень и неряшливость, Рома был вообще не плохим парнем.

Я решила, что его можно перевоспитать, то есть взыграли во мне мамины педагогические принципы.

Но главное — не это. Главное то, что меня приняла квартира. Вот именно в этой квартире я чувствовала себя своей. Мне было там хорошо и комфортно. Я хотела привести ее в порядок и совершенно не боялась трудностей, правильно сообразив, что Рома мне в этом деле не помощник. Мне помогала сама квартира.

Ни разу за все мои мучения с уборкой я не поранилась, ничего не свалилось мне на голову, никакой табурет не подломился подо мной, даже простой царапины я не получила, ни один ноготь не сломала.

Квартира меня берегла и любила, и я платила ей тем же.

После первой уборки начерно я выбросила кое-что совсем уж бесполезное и взялась за Рому.

Я купила ему пару новых клетчатых рубашек, а также белье, подстригла волосы самолично, так как в парикмахерскую он пойти категорически отказался, и навсегда изгнала из его рациона пищу и гамбургеры.

Рома ворчал, но в конце концов согласился. И признался мне нехотя, что обновленный внешний вид даже помог ему в работе, поскольку теперь заказчики перестали шарахаться от такого чучела.

После Ромы я с новыми силами принялась за квартиру. Очистила бывшую комнату родителей от мусора и приступила к платяному шкафу.

Открыть его помог сосед дядя Вася, который познакомился со мной внизу у подъезда.

Дядя Вася был тихий алкоголик с золотыми руками. После смерти жены он потихоньку опускался все ниже и ниже, но в относительно трезвом состоянии мог сделать что-то полезное.

Дверцы шкафа он открыл без труда, выпустив на свет тучу моли, так что я сложила все, что было в шкафу, в три мусорных мешка, и дядя Вася вынес их на помойку.

Я рассудила, что, если бы было в шкафу что-то ценное, родители Роме бы это не оставили.

После чего дядя Вася вернулся и разобрал шкаф по винтику, да еще и продал дубовые дверцы художнику, который держал мастерскую в соседнем доме на шестом этаже. Дома наши соприкасались, так что из своего большого окна он сделал дверь и мог выйти на крышу. Огородил пространство живописным заборчиком, поставил мангал и два шезлонга и летом прекрасно проводил время в промежутках